

Г.А. Макурина

Участие органов политического розыска Сибири в ликвидации преступных грабительских групп в 1913 г.

Осуществление исторического поворота российского общества к цивилизации с гуманистической ориентацией невозможно без учета уроков прошлого. Главный из них – безусловное признание человека в качестве высшей социальной ценности. Только тогда его возвышение и утверждение пойдет не через насилие, агрессию, цинизм, а посредством роста гуманизма, взаимопонимания, добра и любви.

Опыт истории убеждает, что ошибки в этом направлении дорого стоят. В начале XX в. страна скатилась в пучину революционных потрясений, когда насилие над личностью приобрело всеобщий характер. Так исторически сложилось, что в России человек всегда был средством, а не целью общественного прогресса. Лишенный возможности умственного и нравственного развития, достаточных средств к существованию, он сформировал своеобразное мирозерцание с вытекающими из него обоснованиями своей деятельности. Отсюда одни горели счастьем борьбы и веры в светлое будущее, другие просто вставали на путь насилия и преступлений.

Красноречиво свидетельствует об этом жизнь сибиряков этого периода, то, что с ними сделало правительство. По своей природе сибиряки – особый народ: зажиточный, энергичный, при случае умеющий постоять за себя. Сибиряк был радушным хозяином. Сибирские условия выработали особый обычай, свято хранимый всей Сибирью. На ночь дверь крепко запиралась, но хозяин не забывал при этом выставить на подоконник или на скамью горшок с едой и хлебом, кринку с молоком для проходящего бродяги или каторжника. Отказать им в пище было не в характере русского человека.

Со временем, когда правительство стало использовать регион как место ссылки преступников и политически неблагонадежных лиц, нравственные устои сибиряков стали рушиться, поскольку они жили бок о бок с убийцами, ворами, конокрадами, фальшивомонетчиками. Наибольший приток ссыльных произошел в годы первой русской революции. С 1905 г. в Сибирь высылали тысячи людей, именовавшихся в документах «ссыльнопоселенцами», осужденными за государственные преступления. Фактически их состав был чрезвычайно пестрым: политических было меньше, чем всякого сброда – профессиональных убийц, насильников, хулиганов, поджигателей и т.д. Население сибирских губерний в отдельных районах на 80% состояло из ссыльных и их потомков, оно не могло быть опорой местной власти и фактором стабильности.

К этому следует добавить переполненность тюрем, постоянные побеги заключенных. Сюда же ехали переселенцы, а с ними любители легкой наживы, которые при отсутствии надлежащего полицейского контроля успешно развивали свою преступную деятельность [1, л. 18; 2, л. 25].

Массовое скопление всякого сброда сделало Сибирь в начале XX в. ареной систематических грабежей и убийств. Почерк грабителей и убийц был одинаков во всех ее губерниях. Вооруженные револьверами злоумышленники врываются в дома, магазины, торговые лавки, почты, волостные правления, казначейства с криком: «Руки вверх!», «Ни с места!»; на улицах – «Стой, руки вверх!» Забирали деньги, документы, ценности (в случае сопротивления стреляли в упор) и быстро скрывались. Почти все состоятельные граждане получали «подметные» письма с требованием денег и угрозой убийства в случае отказа. Постоянными жертвами грабителей были сборщики денег казенных винных лавок, купцы, управляющие золотыми приисками. Грабили станции, поезда [3, л. 4; 4, 108, 125, 135, 139; 5, л. 47; 6, л. 12].

Временами здесь вводилось военное и чрезвычайное положение, однако уголовная преступность не уменьшалась, а даже усиливалась и приобретала более смелый и дерзкий характер. Если взять простых обывателей, то они всегда защищались своими средствами: палили днем и ночью из револьверов, ружей, и вор хорошо знал, что почти каждый двор в Сибири представлял собой маленькую крепость. С введением военного положения всякое оружие изымалось, и сибиряк оставался беззащитным. Воры и грабители это хорошо знали, сами они были прекрасно вооружены и поэтому смело по ночам ломались в дома сибиряков, даже в центральных частях городов.

В 1913 г. вооруженные грабежи приняли небывалый размах, совершались хорошо организованными шайками преступников, состоявших как из местных, так и приезжих бандитов. Об этом свидетельствует донесение начальника Иркутского городского жандармского управления (ГЖУ) по району полковника А.В. Васильева в Департамент полиции от 23 ноября 1913 г. Он сообщал следующее: «С наступлением весны 1913 г. в пределах Восточной Сибири (в Иркутской губернии и Забайкальской области), а также в прилегающей части Западной Сибири (в Енисейской и Томской губерниях) замечено учащение вооруженных грабежей, совершаемых шайками преступников,

значительными по своей численности и составу. Объектами грабителей являлись главным образом правительственные учреждения, в которых имелись крупные суммы денег, и лишь в редких случаях имущество частных капиталистов». Далее перечислялись наиболее крупные из них:

«16 мая 1913 г. на линии Забайкальской железной дороги, на перегоне «Тарбагатай», разъезд №37 около 11 часов вечера злоумышленниками в количестве 20 человек ограблен почтовый вагон поезда №4. Похищено 22516 руб. (в том числе грифованных кредитных билетов на 4 тыс. руб. и вкладной банковский билет на 3 тыс. руб.). Нападение сопровождалось обстрелом поезда.

В ночь на 4 августа близ г. Хабаровска в деревне Владимировке ограблена контора подрядчиков Хаймовича и Вейкшмана. Взято 15 тыс. руб. Грабителей было 7 или 8 человек, в том числе и конторщик, служивший у подрядчиков под именем А. Чекуновского. При грабеже ранен выстрелами из револьвера конторский сторож.

21 августа около 10 часов утра на почтовом тракте в трех верстах от станции Казаковской Нерчинского округа 11 вооруженными бандитами совершено нападение на денежную почту. Ограбление удалось предотвратить. В перестрелке один из бандитов убит, другой при задержании оказал вооруженное сопротивление.

24 августа в поселке Зима Иркутского уезда около 7 часов вечера шайкой злоумышленников в количестве 10 человек ограблена почтово-телеграфная контора. Похищено 6 тыс. руб.

27 августа 9 неизвестных ограбили почтово-телеграфную контору станции Зиминская, похитив около 6 тысяч рублей.

10 сентября в поезде №6 на разъезде близ станции Карымской Забайкальской железной дороги ограблен артельщик – раздатчик Амурской железной дороги на сумму 99 тыс. руб. Убит охранник. Грабителей было 7–8 человек.

В ночь на 10 сентября на опушке леса близ железнодорожной станции «Томск-1» задержаны 4 кавказца, намеревавшиеся совершить вооруженное нападение на почтовый поезд. В вагоне №3 под скамейкой была обнаружена корзина со значительным количеством боевых патронов.

13 сентября в поселке Кыринском Верхне-Ульхунской станицы Акинского уезда Забайкальской области с целью грабежа был убит казак Ф. Куклин. У одного из убийц крестьянина Е. Бондырева взято письмо бывшего почтальона почтового отделения Куенга – Погоча С. Родионова, в котором он, описывая обстановку и порядок перевозки промышленного золота и сдачи его в Куенг с конной почты, приглашал Бондырева совершить разбойное нападение на почту, следовавшую по Тункинскому тракту.

21 сентября в г. Верхнеудинске при задержании преступников, нападавших на артельщика Амурской железной дороги, 10 сентября пятью злоумышленниками, засевшими в квартире Виноградова, была открыта стрельба по наряду полиции. Убито трое городовых, ранено двое и полицейский надзиратель.

1 октября в Иркутске на железнодорожном вокзале задержаны трое кавказцев, готовивших вооруженное нападение на артельщика-раздатчика Сибирской железной дороги в поезде между станциями Иркутск и Усолье. Взято оружие, боевые патроны, принадлежности грима и перевязочные средства.

6 ноября ограблено Куйтунское почтовое отделение, похищено свыше 3-х тысяч рублей.

9 ноября на угольных коях Мильнера близ с. Черемхово Балаганского уезда 8 преступниками совершено вооруженное нападение на конторщика копей. Взято 500 рублей, убит полицейский урядник.

Произведенные общей полицией после фактов грабежей и убийств расследования, по признанию Васильева, «дали весьма относительные и ограниченные результаты. В большинстве случаев активные члены шайки успели скрыться, а главные заправилы и руководители остались невыясненными».

Причины этого Васильев видел в крайне малой численности чинов губернской и уездной полиции, громадных территориях, которые им приходилось обслуживать, полном отсутствии «грабительской» агентуры в полосе отчуждения железной дороги, линия которой и являлась главной ареной деятельности преступников. Следовало иметь в виду и мобильность членов преступных групп при сравнительной инертности полиции, обремененной, помимо сыска, другими разнообразными служебными обязанностями. Поэтому преступники действовали смело и быстро, оставаясь безнаказанными, а если и удавалось кого-то из них задержать, то случайно.

Так, некоторые виновники ограбления поезда 16 мая в Забайкалье были случайно пойманы в Шадринске Пермской губернии при сбыте «грифованных» кредиток. Ограбивший 4 августа близ Хабаровска подрядчиков был также случайно задержан в Верхнеудинске. Участник многих ограблений и вооруженных нападений неуловимый «Ленька», он же «Сережка», он же «Костя», по достоверным сведениям, свободно гулял где-то вблизи Иркутска [7, л. 39–39об.].

Учитывая неспособность полиции справиться с бандитизмом в Восточной Сибири, Министерство внутренних дел приняло решение подключить к работе по выявлению и ликвидации преступных групп в этом районе кадры политического розыска. Весь розыск по названным преступлениям сосредоточить в одном центре – Иркутске, – Восточно-Сибирском охранном отделении, предполагая тем самым сохранить конспиративность расследований [7, л. 33].

Эффективность оперативно-розыскной деятельности зависела не только от кадров, но и требовала до-

полнительных средств. Однако Департамент полиции, несмотря на просьбы районного охранного отделения, дополнительных денег не выделил. Поэтому обследование с помощью агентуры всех случаев грабежей и убийств проводилось в рамках ограниченных возможностей как общей, так и политической полиции. Тем не менее им удалось добиться определенных успехов. Прежде всего были выяснены общая картина состояния уголовной преступности на конец 1913 г., состав грабительских организаций, размах их деятельности и планы на будущее.

Выводы, к которым пришли сотрудники Иркутского районного охранного отделения, были представлены в Департамент полиции в декабре 1913 г. Из донесения полковника Васильева следовало, что «грабительская деятельность в пределах Восточной Сибири находилась только в начальной стадии своего развития и должна была принять постепенно более широкий размах. В самом недалеком будущем она грозила распространиться на территорию Приморской области, пока еще не тронутую грабителями и представлявшую для них огромный интерес. Наибольшая концентрация преступников наблюдалась в селах Черемхово, Залари, Тулун и их окрестностях. Грабители имели связи почти со всеми крупными пунктами района, в которых находились их сообщники. Были установлены связи между преступными группами городов: Хабаровск–Верхнеудинск, Иркутск–Томск, Сретенск–Иркутск, Чита–Верхнеудинск–Иркутск. В количественном отношении, отмечал Васильев, состав шаек был внушительным и насчитывал более 200 чел. Ядро составляли ссыльные кавказцы, в них также входили другие ссыльнопоселенцы, как уголовные, так и политические.

По данным агентуры района, кроме совершенных ограблений намечался ряд новых: нападение на артельщиков Забайкальской и Кругобайкальской железных дорог, «Алтайского товарищества», «Русско-Азиатского банка», на контору чайного склада Высоцкого, на почту около Кабанска и Куянги, а также ограбление Нижнеудинского казначейства.

Иркутск как административный центр Восточной Сибири являлся центральным и для грабителей, но они его пока обходили стороной. Слабо оперируя до настоящего времени в самом Иркутске, сообщал Васильев, они расходились от него по радиусам для отдельных выступлений, как бы сохраняя центральный город для достойного ему по грандиозности грабежа. Нет сомнения в том, что серьезная, напряженная и обдуманная работа в области розыска во вверенном мне районе не замедлит принести пользу», – заверял Департамент полиции в конце своего донесения Васильев [7, л. 40].

Полковник Васильев также внес предложение по ликвидации преступных группировок: «Единственной, на мой взгляд, продуктивной мерой будет

являться одновременная ликвидация всех указанных агентурой лиц и объединение всего обнаруженного при обысках материала в руках одного человека. С другой стороны, значительный состав шаек, установление их личности, разработка вещественных документов, дальность расстояний между пунктами при одновременной ликвидации потребует немало времени» [4, л. 17–20]. Иркутский и Приамурский генерал-губернаторы положительно отнеслись к предложенному Васильевым варианту, согласился с ним впоследствии и товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский.

Одновременная ликвидация грабительских организаций была намечена и состоялась в ночь на 18 декабря 1913 г. Об успехе этой операции сообщалось в Департамент полиции в телеграмме от 9 января 1914 г. «Благодаря энергичной, умелой и тщательной разработке имевшихся в Восточно-Сибирском районе агентурных сведений, представилось возможным выяснить весь состав шаек. После чего в ночь на 18 декабря были произведены аресты. Обысканы и арестованы: в Иркутске – 112 чел., в Иркутской губернии – 106, в Чите – 41, в Верхнеудинске – 14, в других пунктах Забайкалья – 13, в Хабаровске – 13, в Никольск-Уссурийске – 10, в Благовещенске – 6, в Харбине – 5; вне района: в Омске – 1, в Перми тоже один, всего было арестовано 332 чел. Во время обысков удалось обнаружить печатную машину для изготовления фальшивых денег из награбленного золота и серебра». Далее сообщалось о том, что «найденная переписка в основном была на грузинском языке. Первоначальный вариант перевода дал положительные результаты, удалось установить связи уголовных преступников с политическими ссыльными, но для полного перевода потребуется время» [7, л. 66, 76].

Политические ссыльные, в свою очередь, бурно отреагировали на эту ликвидацию. По их мнению, одновременно с грабителями были арестованы политические ссыльные, не имевшие документов, что и явилось якобы единственной причиной их ареста. Они направили запрос социал-демократической фракции Госдумы с просьбой разобраться со сложившимся положением [7, л. 9]. Судя по тому, что свыше 100 человек были отпущены сразу после ареста, указанные факты имели место.

С другой стороны, жандармские органы располагали неопровержимыми доказательствами участия политических ссыльных в грабежах. В составе шайки, руководимой Белослодцевым, находились четверо, принадлежавшие ранее к социалистам-революционерам. Имелись доказательства связи этих грабителей с зубным врачом И. И. Рубинштейном, также имевшим контакты с социалистами-революционерами. В группе, намеревавшейся ограбить Русско-Азиатский банк, состояли служащие этого банка эсеры Давид и Александр Погребецкие, неоднократно

обыскиваемые полицией. Была установлена связь грабителей томской шайки с политическим ссыльно-поселенцем Б.Г. Чхиквишвили. Группу фальшивомонетчиков возглавлял Г. Козиков, привлекавшийся в 1908 г. по делу групп вооруженного народного восстания Забайкальской Федерации.

Наиболее полный материал имелся о черемховской группе. В ходе расследования преступлений было установлено, что ограбление Зиминской почтово-телеграфной конторы 27 августа 1913 г. было совершено группой анархистов с Черемхово под руководством А. Гломазды при содействии чиновника конторы Скрыпова. Полученный в ходе разработки агентурный материал об этой группе, как более значительной по своей политической окраске, был направлен в Департамент полиции. В нем изложены обстоятельства ее возникновения. В начале июля 1913 г. в с. Гымыль Балаганского уезда прибыли на поселение В.В. Гургенидзе и А.А. Апридонидзе. Первый стал организовывать группу анархистов, наметив в ее члены А. Апридонидзе, А. Хачтасия, Г. Джугели и др. В конце августа В. Гургенидзе получил от ссыльнопоселенца М. Ямпольского письмо, в котором ему предлагалось не организовывать новую группу, а присоединиться к уже существовавшей в Черемхове. Слияние групп произошло на собрании, состоявшемся 3 сентября на квартире Ямпольского. Здесь же было заявлено об удачном ограблении Зиминской конторы.

Полиция сразу обратила внимание на то, что грабители были хорошо осведомлены о режиме работы конторы, расположении ее служб, им были известны не только места хранения денег, но и время их поступлений. Как было выяснено впоследствии, Скрыпов передавал информацию участникам банды Стуре и Белову о накоплении денег в кассе. В числе грабителей были также М. Ямпольский, некие «Михаил», «Николай» и четверо неизвестных. Деньги из кассы брал В. Бандурка. Оружие доставляли ссыльнопоселенцы Гарон и некие «Павел», «Митя» и «Катя». Вдохновленная этой удачей, группа намечала серьезные планы на будущее. Своей целью она ставила пропаганду экспроприации казенного имущества и террор в отношении членов розыскных органов. Ввиду арестов 8 сентября в поселке Зима Скрыпова, Белова, Стуре и Бастрыкина решено было перебраться из Черемхова в с. Гымыль и поселиться под видом портных в специальной усадьбе.

Однако союз бывших уголовников и анархистов оказался непрочным. В сентябре между ними произошла ссора из-за вымогательного письма, написанного уголовным за подписью Черемховской группы анархистов одному из крестьян с. Гымыль. Разборки закончились перестрелкой, в которой Гургенидзе и Нискея были тяжело ранены.

Дальнейшую деятельность группы пресекла полиция. 1 октября 1913 г. были арестованы четверо

непосредственных участников ограбления Зиминской почтово-телеграфной конторы: В. Бандурка, М. Ямпольский, Н. Михальчик, М. Горяйнов и др. При обыске у них обнаружена анархистская литература, что еще раз подтверждало связь уголовных преступников с политическими. Гломазду задержать не удалось. По одним источникам он в конце сентября якобы уехал в Цюрих для установления связей с центром, по другим – с Марией Беловой, спасаясь от арестов, выехал в Забайкалье [7, л. 7–7об., 43, 44].

Из числа предотвращенных преступлений заслуживала внимание информация об обнаружении 29 сентября 1913 г. подкопа под Иркутскую почтовую контору на Почтамтской улице в доме Кошкаревой. Подкоп производили рабочие-китайцы, жившие во флигеле этого же дома. Организатором подкопа являлся согласно агентурным сведениям известный уголовный преступник Е. Старжевский, осужденный по аналогичному делу в Томске и вышедший из тюрьмы. Установлена его связь в Иркутске с неким Ф. Гусевым – специалистом по подкопам. Розыск, однако, ничего не дал, зато ограбление конторы было предупреждено [7, л. 40].

Оперативно сработали органы политического сыска при обнаружении и аресте шайки «кавказцев», готовивших ограбление артельщика-раздатчика Сибирской железной дороги Я. Ремизова, возившего крупные суммы денег. Операция по задержанию преступников прошла успешно. 1 октября на железнодорожной станции Иркутск за несколько минут до отхода поезда были арестованы М. Менабде, А. Хоферия и Г. Аловидзе. При обыске у Менабде обнаружено три револьвера систем «Смит-Вессона», «Наган», «Парабеллум», запасы обоймы и патронов, перевязочные средства и принадлежности грима, у Хоферия – одежда для переодевания, у Аловидзе – вексельный бланк на 1,5 тысячи рублей. По связям с указанными лицами были арестованы владелец мелкой лавки П. Гогичешвили, артельщик Забайкальской железной дороги В. Богданов и ссыльнопоселенец О. Барамидзе. Из изъятой переписки на грузинском языке установлена причастность к организации этой и других шаяк некоего Родоная, снабжавшего грабителей деньгами и оружием и планировавшего ограбление артельщиков на станции Тайга и Кругобайкальской железной дороге. Винтовки он скупал у нижних воинских чинов по 5 рублей за штуку, а также в большом количестве боевые патроны [7, л. 41].

Таким образом, представленный материал убеждает в том, что привлечение к борьбе с уголовной преступностью в Сибири в 1913 г. кадров политического розыска являлось оправданной мерой и дало положительные результаты. Используя отработанные формы и методы секретно-розыскной работы, им удалось раскрыть и ликвидировать основной состав бандитских групп, предупредить новые преступле-

ния, успокоить население, хотя в крае каторжников и ссыльных вряд ли это было возможно. С другой стороны, участие жандармских кадров в ликвидации преступных групп негативно отразилось на их прямых обязанностях: следственно-розыскной деятельности по политическим делам. И хотя, как уже отмечалось, среди уголовных преступников удалось обнаружить и политических, но это незначительная часть, практически слившаяся с ними.

Об успешной ликвидации в Сибири полицией совместно с жандармскими кадрами преступных грабительских организаций в 1913 г. В.Ф. Джунков-

ский докладывал Председателю Совета Министров В.Н. Коковцеву. Однако кардинально переломить ситуацию не удалось. После временного затишья разбои, убийства, грабежи возобновились, поскольку не были устранены причины, порождающие их. Штаты полиции, материально-техническое обеспечение, методы сыска оставались неизменными. И хотя полицейский сыск в Сибири был поставлен ничуть не хуже, чем в других местах империи, но криминальная обстановка была намного сложнее, чем и было обусловлено привлечение к ликвидации бандитских групп кадров политического розыска [7, л. 68].

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. Департамент полиции. 7-е делопр. 1908. – Д. 41. Ч. 9.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАРФ. 4-е делопр. 1907. – Д. 1. Ч. 6.
4. ГАРФ. 4-е делопр. 1907. – Д. 20. Ч. 2.
5. ГАРФ. 4-е делопр. 1909. – Д. 77. Ч. 6.
6. ГАРФ. 4-е делопр. 1910. – Д. 23. Ч. 6.
7. ГАРФ. – Ф. 102. ДП ОО. 1913. – Д. 98. Ч. 27.